

Когнитивная лингвистика : ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения : сб. статей к юбилею профессора Н. А. Кобрина. – СПб. : Тритон, 2005. – С. 190-198.

А.А. Худяков

КАТЕГОРИЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ/ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ: ОПЫТ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА

Настоящая статья посвящена исследованию категории персональности/имперсональности (личности/безличности) с точки зрения и в рамках когнитивного подхода (основы которого, в частности, изложены в [Попова, Стернин 2002; Вопросы когнитивной лингвистики 2004]) на материале английского языка. Данная категория является важной содержательной синтаксической категорией, которая выражает степень выделенности сознанием человека того референта действительности, ментальный аналог которого (концепт) формализуется в структуре предложения в функции подлежащего. Из такого понимания ее сущности следует, что анализ персональности/имперсональности может осуществляться с позиций прототипической теории (основания теории прототипа см. [Rosch 1978; Langacker 1987; Topics in Cognitive Linguistics 1988]), в свете которой она предстает в качестве градуальной категории, варьирующей в достаточно широком диапазоне между прототипическими личными предложениями и прототипическими безличными предложениями. Эти типы предложений представляют собой крайние точки, ограничивающие соответствующий речемыслительный континуум.

Прототипическими личными предложениями являются такие, в которых подлежащее выражено личным местоимением 1-го лица единственного числа: *I am a student; I like reading*. В таких предложениях подлежащее всегда имеет максимально личный, определенный, выделенный, индивидуальный, уникальный характер. По мере ослабления этих признаков и нарастания им противоположных (невывчленимость, неопределенность, обобщенность, неконкретность и размытость в референционном плане, нечеткость локализации в сетке пространственно-временных координат и т.п.) происходит и постепенный сдвиг в сторону безличных конструкций.

К отклоняющимся от прототипа в незначительной степени личным предложениям следует отнести такие, в которых подлежащее обозначает лицо, при том, что оно выражено либо одушевленным именем существительным, либо личным местоимением (но не *I*): *The passengers were leaving the plane; The boy came into the room; He is a student*. При этом следует указать на то, что категорию персональности/имперсональности (личности/безличности) не следует отождествлять с категорией определенности/неопределенности, с которой она тесно связана, но которой она, вместе с тем, не идентична. В силу этого, предложения *A boy came into the room* и *The boy came into the room* следует трактовать как разные в плане реализации ими категории определенности/неопределенности, но одинаковые в плане реализации ими категории персональности/имперсональности.

На еще большем расстоянии от прототипа категории персональности отстоят предложения, подлежащие которых обозначают не-лицо и выражаются неодушевленными именами существительными: *A tree fell down; The stone was large and heavy; The building was constructed three years ago*. Заметим, что подлежащие в таких предложениях именуют единичные (сингулярные) объекты.

На периферии предложений персонального (личного) типа находятся такие, подлежащие которых выражены существительными, обозначающими различные типы множественности: множественность дискретных объектов (*The desks in the classroom are all new; Flowers were brought in*), внутреннюю множественность недискретных объектов (*Sugar is more expensive than salt; The sand on the beach was pleasant to lie on; Coffee and tea tend to grow in the warmer parts of the planet*), множественность как массовидность, огромность, протяженность (*The snows of the Arctic cover a huge territory; The waters of the Pacific are sometimes turbulent; The sands of the Sahara seemed endless*), множественность внутренне дискретных классов (*The clergy are known for their piousness; Police are present at every public event; The leafage turned yellow and red very early that autumn*), множественность форм проявления разного рода абстракций (*Joys and*

sorrows of love are known to everybody; Friendships very often come from work; Liberties are granted to everyone in democratic countries) [Худяков 1990б].

Категория персональности в подобных предложениях реализуется в весьма слабой степени, поскольку вычленение сознанием различных типов множественности в качестве референтов подлежащих является более сложной задачей, чем вычленение единичных дискретных объектов. Это видно хотя бы уже потому, что в целом ряде случаев требуются дополнительные интерпретационные усилия по осмыслению референта подлежащего либо как цельной единичности внутренне дискретных объектов, либо как их множественности (ср. *My family is big vs. My family are all avid readers; The crowd was becoming larger with every minute vs. The crowd were shouting and throwing stones at the police; This platoon is the best in the regiment vs. The platoon were all down with flu*) [Худяков 1990а].

В переходной, промежуточной зоне, равноудаленной от прототипических личных и прототипических безличных предложений, находится тип предложений, который называется обобщенно-личным. Подлежащие таких предложений характеризуется тем, что их референциальная область максимально широка, а реестр способов выражения, напротив, достаточно узок: обычно это широкозначенные лексемы *all, everybody, everyone, people, you, they, one*. При этом очень важно учитывать тот факт, что данные слова могут функционировать и как подлежащие личных предложений. В такого рода случаях своеобразной грамматической омонимии решающими факторами при разграничении личных и обобщенно-личных предложений являются коммуникативная ситуация и вербальный контекст. Существенную помощь может иногда оказать и учет артиклевой детерминации. Поясним сказанное на примерах.

Предложение *All is well that ends well* является обобщенно-личным благодаря тому, что *all* имеет здесь генерализованное значение. В контексте предложения *The teacher counted the pupils in the classroom* предложение *All were present* является личным, так как референт подлежащего легко вычленим в силу его конкретности, определенности, обозримости. Такого же рода соображениями следует руководствоваться при разграничении на обобщенно-личные и личные следующих предложений: a) *Everyone wants to be happy* (обобщенно-личное предложение); *I asked them if they were happy. Everyone said he was* (личное предложение); b) *People tend to be cruel* (обобщенно-личное предложение); *Looking out of the window, I saw a small crowd. The people were standing still as if waiting* (личное предложение); c) *You never know what may happen tomorrow* (обобщенно-личное предложение); *The students were writing a test-paper. "You may go as soon as you are ready," said the teacher* (личное предложение); d) *They say the autumn is going to be warm this year* (обобщенно-личное предложение); *Every day I ask them if the weather will be fine. Every day they say "Yes."* (личное предложение); e) *One can never be sure of anything in this country* (обобщенно-личное предложение); *"How many bars of chocolate do you want?" asked the shop assistant. – "One is enough."* (личное предложение).

Рассмотренные выше обобщенно-личные предложения являются, как было уже указано, своеобразным промежуточным звеном между личными предложениями и безличными предложениями. Последние также не являются внутренне гомогенной группой, распадаясь на четыре основных подтипа: безличные предложения, обозначающие сферу физических, эмоциональных и ментальных состояний человека; безличные предложения, используемые в качестве форм выражения категории модальности; безличные предложения, обозначающие местонахождение объекта; безличные предложения, обозначающие природные и погодные явления. Последний подтип представляет собой прототипическое безличное предложение, так как именно он реализует субкатеорию безличности, так сказать, в «чистом» виде, наиболее очевидным и явным образом. Начнем, однако, рассмотрение безличных предложений в соответствии с обозначенным выше порядком их перечисления, а именно – от непрототипических к прототипическим.

Первым подтипом в нашем списке безличных предложений значится тот, что используется для обозначения физических, эмоциональных и умственных состояний человека. При этом необходимо с самого начала иметь в виду, что выделение данного подтипа представляется проблематичным для английского языка, так как номинативный характер его синтаксической типологии на современном этапе развития накладывает запрет на употребление подлежащего в форме иного падежа, чем номинатив. Последнее обстоятельство крайне существенно, ибо лишь

форма косвенного падежа подлежащего, выраженного существительным, является морфологическим маркером принадлежности предложения к числу безличных. Для английского языка положение еще более осложняется тем обстоятельством, что у именных частей речи (за исключением некоторых групп местоимений) категория падежа оказывается к настоящему времени полностью утраченной. Тем не менее, существуют достаточно веские основания считать, что рассматриваемый подтип безличности присущ и английскому языку в его современном состоянии. Каковы же эти основания?

Начнем с того, что категория персональности/имперсональности (личности/безличности), как было указано в самом начале статьи, является не только и не столько формальной, сколько содержательной. Отсюда следует, что форма, при всей ее важности, не может являться единственным и абсолютным критерием выделяемости данной категории и ее субкатегориальных значений. Следовательно, по отношению к предложениям типа *I like it*, несмотря на всю внешнюю схожесть с прототипическими личными предложениями, вовсе не очевидна справедливость утверждения, что *I* вычленяется сознанием говорящего в качестве активного лица, совершающего осознанные и целенаправленные действия в отношении кого-либо или чего-либо. Куда более правдоподобной представляется версия об интерпретации говорящим подлежащего *I* в предложениях подобного рода как репрезентанта концепта-экспериенса – лица, испытывающего некую эмоцию или пребывающего в некотором психологическом состоянии, причины которого не создаются и не контролируются самим *I*, не зависят от воли говорящего лица (*I*), являются не-лицом, а все предложение, следовательно, является безличным, имперсональным. Итак, для выделения в английском языке рассматриваемого подтипа безличности существуют семантико-когнитивные основания.

Еще один вид основания можно было бы назвать диахроническим. Его суть заключается в обращении к истории английского языка, в частности, к его древнему периоду, в письменных памятниках которого зафиксированы такие образования, как *mēlīkaþ*, *mēþink(e)þ*, *mēsēm(e)þ*. В данных древнеанглийских формах их безличный характер ничем не затемнен, так как выравнивания синтаксиса по строго номинативному типу языка еще не произошло, и формы косвенного падежа подлежащих таких предложений свидетельствовали об их интерпретации автором речи как безличных. Думается, не будет ошибочным утверждение, что относительно богатая словоизменительная морфология древнеанглийского языка и его гибкость в синтаксическом плане позволяли ему в целом реализовывать большую степень изоморфизма между структурой предложения и структурой его мыслительного содержания (пропозиции) по сравнению с современным английским языком. К сказанному остается лишь добавить, что если одни древнеанглийские безличные конструкции замещаются в современном языке формально-личными (*mēlīkaþ* > *I like*, *mēþink(e)þ* > *I think*), то другие, напротив, преобразуются в явно безличные предложения (*mēsēm(e)þ* > *it seems to me*).

Третье основание, позволяющее утвердительно ответить на вопрос о существовании рассматриваемого подтипа безличных предложений в английском языке, можно квалифицировать как онтогенетическое. Онтогенез речи – это развитие речевой способности у отдельного человеческого индивида. Парное ему понятие – филогенез речи – определяется как развитие языковой способности у человека как биологического вида. На практике онтогенетические исследования сосредоточены на феномене детской речи, так как динамика овладения языком и формирования речевых умений и навыков прослеживается именно в детском возрасте (подробнее об этом см. [Цейтлин 2000]). В плане интересующей нас проблемы лингвистами, изучающими речь англоговорящих детей, зафиксированы в качестве достаточно частотных и стабильных такие образования, как *me knows it*, *me wants it*, *me likes it* и т.п., отсутствующие в нормативном, «взрослом» английском. Причина распространенности таких конструкций в речи детей и их отсутствия в речи взрослых легко объяснима: ребенок, еще не подвергшийся процессу систематического обучения «правильной» (нормативной) грамматике в школьных условиях, руководствуется при выборе языковой структуры для выражения мысли интуицией и здравым смыслом. А интуиция и здравый смысл подсказывают ему, что для языкового обозначения испытываемых им физических, эмоциональных и ментальных состояний более естественным представляется использование безличных конструкций; ребенок, подсознательно чувствуя разницу между действием (например, «играть») и не-действием (например, «хотеть»), для обозначения первого выбирает личные конструкции (*I play*), а второго – безличные (*me wants*). Интересно, что необразованные и слабо владеющие грамотой взрослые

люди могут сохранять рассматриваемый тип аграмматичности детской речи в течение всей жизни.

Наконец, постулировать существование в современном английском языке рассматриваемого подтипа безличности можно на основе принципов транслятологии – науки о межъязыковом переводе. По убеждению многих лингвистов, перевод с одного языка на другой является достаточно надежным методом выявления скрытых категориальных и субкатегориальных значений в интересующем языке. Так, если английские предложения, являющиеся с формально-грамматической точки зрения личными, при переводе на другой язык/языки регулярно представлены безличными аналогами, то это может являться важным аргументом в пользу признания и английских формально личных предложений семантически безличными. Вполне подходящей иллюстрацией этого может служить перевод, осуществляемый с английского языка на русский. Регулярными и нормативными являются, например, следующие межъязыковые соответствия: *I want – мне хочется; I like – мне нравится; I think – мне думается; he is unwell – ему нехорошо; he is cold/warm – ему холодно/тепло; I am comfortable – мне удобно; I am dizzy – у меня кружится голова; I am sick – меня тошнит.*

Возможность выделения в английском языке второго подтипа безличных предложений (таких, в которых выражается модальность) более очевидна, чем первого. Достаточно указать на конструкции типа *it is possible..., it is necessary...*, структурированные как прототипические безличные предложения с референциально «пустым» *it* в качестве формального подлежащего. Утверждения о том, что подобного рода конструкции не являются безличными, так как они вводят субъектные придаточные предложения, малоубедительны. Действительно, данные конструкции нормативно используются для ввода придаточных предложений или фраз неполной предикации (*It is necessary to be honest; It is impossible to know everything*), и, действительно, получающиеся сложные и полусложные предложения могут быть переструктурированы таким образом, что семантически «пустое» *it* исчезает, заменяясь на семантически содержательные элементы (*To be honest is necessary; To know everything is impossible*). Однако меняет ли это что-нибудь в плане перехода подобных предложений из разряда безличных в разряд личных? Ответ на данный вопрос может быть лишь отрицательным, так как подлежащие предложения остаются нереперентными: сознание не вычленяет лицо, группу лиц или предмет/предметы, обозначаемые подлежащими таких предложений.

Помимо проанализированных выше конструкций английский язык располагает и другими средствами выражения модальности. Речь может идти, в частности, о таком широко используемом средстве, как модальные глаголы. Предложения с модальными глаголами структурируются, как правило, по образцу личных: *I must go there now; He can play tennis*. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что в таких предложениях личность контактируется с безличностью. Это доказывается возможностью синонимических трансформаций, при которых происходит вычленение собственно безличного и собственно личного компонентов: *I must go now → It is necessary (безличный компонент) that I (should) go now (личный компонент); He can play tennis → It is possible (безличный компонент) for him to play tennis (личный компонент).*

Еще на один шаг ближе к прототипическим безличным предложениям стоят в английском языке безличные синтаксические конструкции, выражающие идею местонахождения, пребывания – так называемые экзистенциальные конструкции: *There is a book on the table; There are flowers in the garden*. Попытки интерпретировать *there* иначе, чем безличное подлежащее, не могут увенчаться успехом – даже если задаться целью трактовать *there* как наречие места со значением ‘там’, к которому оно исторически восходит, экзистенциальные предложения все равно не превращаются в личные. Причина ясна: *there*, понимаемое как ‘там’, остается референционно пустым, ибо это слово не предметное, а признаковое.

Попытка истолкования рассматриваемых предложений как личных на том основании, что реальными подлежащими в них являются существительные (*a book, flowers*), наталкиваются на серьезные трудности. Дело в том, что личные предложения *The book is on the table; The flowers are in the garden* не являются синонимическими трансформами экзистенциальных предложений с *there*, так как они передают информацию разного рода, а потому не являются взаимозаменяемыми. Предложение *There is a book on the table* сообщает о том, какой именно предмет находится на столе, и может служить ответом на вопрос *What is there on the table?*, в то

время как предложение *The book is on the table* есть сообщение о том, где именно находится известная говорящим книга, и может служить в качестве ответа на вопрос *Where is the book?*.

Наконец, межъязыковое сопоставление рассматриваемых имперсональных предложений ставит их в один ряд с прототипическими имперсональными предложениями, то есть такими, в которых подлежащее выражено структурно необходимым, но семантически пустым элементом – как правило, личным местоимением 3 лица единственного числа: *There is a book on the table.* = нем. *Es gibt ein Buch auf den Tisch.* = фр. *Il y a un livre sur la table.*

Перейдем теперь к описанию последнего, четвертого, типа безличных предложений, относимого нами к прототипу субкатегории безличности. Как было указано выше, в содержательном плане такие предложения описывают природные, погодные, стихийные явления и состояния, а в структурном плане характеризуются наличием формального подлежащего *it*, которое обнаруживает следующие признаки.

Во-первых, оно нереферентно и не соотносимо ни с каким концептом как информационно-содержательной единицей сознания. Во-вторых, несмотря на его референционную и семантико-когнитивную ущербность, его наличие в структуре предложения является обязательным. Обязательность употребления *it* диктуется строевыми особенностями английского языка, который не выработал бесподлежащей модели предложения и потому предполагает в обязательном порядке заполнение соответствующей синтаксической позиции. Вот почему грамматичными являются варианты *It is getting dark; It is cold; It often rains in autumn*, а варианты без формального подлежащего (**Is getting dark; *Is cold; *Often rains in autumn*), будучи осмысленными и семантически самодостаточными, являются аграмматичными. В-третьих, невозможны никакие синонимические трансформации, позволившие бы заменить *it* другим языковым элементом. Любые трансформации привели бы либо к аграмматичности, либо к появлению несинонимичной замены. В-четвертых, безличное *it* имеет омоним, вводящий личные предложения и заменяющий упомянутое ранее имя. Отсюда необходимость дифференциации между *It was getting cold* ‘Становилось холодно’ (безличное предложение) и *I touched the iron. It was getting cold* ‘Я прикоснулся к утюгу. Он становился холодным’ (личное предложение).

Проведенный выше когнитивный анализ категории персональности/имперсональности позволил выявить прототипический характер ее структурированности в английском языке и разнообразные способы ее выражения с акцентом на семантические обертоны каждой из релевантных форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2002.
2. Худяков А.А. Взаимодействие лексической и грамматической семантики в собирательных существительных // Лексическая, категориальная и функциональная семантика. – Л., 1990а.
3. Худяков А.А. Понятийная категория количественности и ее реализация в имени существительном и номинативном словосочетании. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1990б.
4. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. – М., 2000.
5. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol.1. Theoretical Prerequisites. – Stanford, 1987.
6. Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization / Eds. E.Rosch, B.B.Lloyd. – Hillsdale, 1978.
7. Topics in Cognitive Linguistics / Ed. B.Rudzka-Ostyn. – Asterdam/Philadelphia, 1988.